

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Замостьянов. Они отстояли мир</i>	8
<i>Александр Мандругин. Дерзость разведчиков</i>	10
<i>Юрий Жуков. Именем Сталинграда</i>	13
<i>В. Терновой. В немецких городах</i>	19
<i>Виктор Полторацкий. Сталинградцы за Одером</i>	23
<i>Александр Безыменский, Семен Борзунов. По немецкой земле</i>	28
<i>Борис Полевой. Полет в Германию</i>	32
<i>Мартын Мержанов. Над Восточной Пруссией</i>	36
<i>Виссарион Саянов. На берегах Нейсе и Шпрее</i>	39
<i>Братья Тур. Гитлеровцы</i>	43
<i>Всеволод Иванов. Дорога наступления</i>	50
<i>Борис Ласкин. Капитанская дочка</i>	59
<i>Мартын Мержанов. На улицах Кистижня</i>	67
<i>Борис Горбатов, Оскар Курганов. Путь к Берлину</i>	70
<i>Мартын Мержанов. Кольберг</i>	77
<i>В. Минаев. Последняя ставка обреченного врага</i>	80
<i>Роман Кармен. На земле врага</i>	87
<i>К. Гофман. «Спасайся кто может!»</i>	92
<i>Габриэль Эль-Регистан. По следам зверя</i>	95
<i>Евгений Кригер. Твой час наступает, Германия!</i>	98
<i>Борис Лавренев. Разговор о «человеколюбцах»</i>	104
<i>Николай Тихонов. Народ-богатырь</i>	112
<i>Всеволод Вишневский. Уличные бои в Берлине</i>	119

<i>Мартын Мержанов. Огонь по Берлину!</i>	127
<i>Мартын Мержанов. Торжество победы</i>	130
<i>Борис Горбатов, Мартын Мержанов. В Берлине</i>	134
<i>Илья Эренбург. Мы в Берлине!</i>	139
<i>Евгений Габрилович. Немецкий бургер</i>	144
<i>Леонид Леонов. Русские в Берлине</i>	152
<i>Павел Трояновский. Над Рейхстагом водружено знамя нашей победы!</i>	159
<i>Всеволод Иванов. Дошли до Берлина!</i>	163
<i>Борис Горбатов, Мартын Мержанов. Капитуляция</i>	167
<i>Цезарь Солодарь. Волк в тайнике</i>	175
<i>Борис Полевой. Встреча маршала Конева с генералом Бредли</i>	179
<i>Константин Федин. Вершина</i>	181
<i>Николай Тихонов. Девятое мая</i>	186
<i>Леонид Леонов. Имя радости</i>	190
<i>Александр Яшин. Праздник Победы</i>	197
<i>Николай Тихонов. Победа, какой не знал мир</i>	198
<i>Николай Погодин. День торжества мира</i>	201
<i>Константин Федин. Наша Победа</i>	206
<i>Вера Кетлинская. Когда кончилась война</i>	207
<i>Леонид Соболев. Дорогами побед</i>	212
<i>Илья Эренбург. Победа человека</i>	223
<i>Николай Вдовин. Народы обвиняют</i>	229
<i>Григорий Ворожейкин. Авиация народа-победителя</i>	232
<i>Михаил Дудин. Крылатому победителю</i>	240
<i>Виктор Полторацкий. Встреча в Москве</i>	242
<i>Лев Кассиль. Судьба знамён</i>	247

<i>Всеволод Иванов. Парад бессмертной славы</i>	<i>253</i>
<i>Анатолий Софронов. Победителям — слава!</i>	<i>262</i>
<i>Виктор Полторацкий. У воинов-победителей</i>	<i>264</i>
<i>Евгений Кригер. Народное ликование</i>	<i>267</i>

Они отстояли мир

Эту книгу написали самые счастливые люди. Те, кто прошел войну — на фронте или в тылу, а по большей частию — с лейком и блокнотом в руках. Прошел войне — и дожил до Победы. До великих весенних дней 1945 года.

Красное знамя Победы над Рейхстагом

Эту книгу написали блестящие журналисты и писатели. Свидетели и участники главных событий XX века, которые их осмыслили — для миллионов людей. Как важно было тогда для людей печатное слово, как много оно значило. Люди, знавшие Красную армию и владевшие пером, пользовались уважением и доверием.

Последние месяцы войны, последние бои в Германии казались возмездием. А потом — взятие Берлина, капитуляция третьего рейха, всенародный праздник победы —

9 мая 1945 года. Наконец, Парад Победы и послесловие к Великой Отечественной — победная война с Японией. Трагедия и незабываемый триумф последних дней войны, незабываемая радость встречи с фронтовиками, которые возвращались на Родину. Об этом и написали авторы этой книги — непосредственно из того времени. Это — популярные газетные публикации, отразившие правду времени, какой она была. Правду, быть может, самых счастливых дней нашей истории.

*Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора
журнала «Историк»*

Александр Мандругин

ДЕРЗОСТЬ РАЗВЕДЧИКОВ

Эта не совсем обычная история произошла с двумя неразлучными друзьями — сержантом Боевским и красноармейцем Драгиным в тылу у немцев. Они выполнили разведывательное задание и возвращались обратно. Ожидая темноты, чтобы незамеченными пробраться через передний край немцев, разведчики занялись пока наблюдением за шоссеной дорогой. Они залегли в придорожной канаве. На шоссе было пусто. Серая лента асфальта, тускло поблескивая, терялась вдали. Но вот где-то далеко за бугром зарокотал мотор.

— Автомашина, — буркнул Боевский, не отрывая глаз от дороги. Из-за холма выскочила какая-то машина. Внимательно приглядевшись, Боевский вдруг выругался.

— Эх, черт! Это ж транспортер, без пушки его не возьмешь.

Машина с грохотом приближалась. Когда она подошла совсем близко, разведчики увидели в кабине двух немцев. Уверенные, что им не грозит никакая опасность, немцы подняли передний щит и спокойно обозревали местность.

Боевский дал короткую очередь, и транспортер вскоре остановился. Тихо ворчал незаглушенный мотор. Разведчики притаились, ожидая, что будет дальше. Наконец, Боевский осторожно вылез из канавы и заглянул в кабину. Оба немца, склонившись друг к другу, застыли в неестественных позах.

— Эти готовы, — сказал Боевский и полез в кузов. Там никого не было. Задрав кверху хобот, стояла пушка, у

бортов поблескивали снаряды. Боевский подозвал Драгина, а сам стал считать снаряды.

— Зачем пустяками заниматься? — нетерпеливо заметил Драгин.

— Нет, брат, это не пустяки. Это наши трофеи. Около ста штук. А ну, посмотрим, что собой представляет пушка.

Боевский попробовал целиться, заглянул в ствол. Потом неожиданно для Драгина заложил снаряд, быстро прицелился в стоящий вдали сарай и выстрелил.

— Что ты делаешь? Может быть, там немцы! — вскрикнул Драгин. — Нет, нас теперь голыми руками не возьмешь!.. Только вот машину-то мы с тобой приобрели, а ездить не умеем.

— Я когда-то на полutorке немного ездил, — нерешительно сказал Драгин.

— Что ж ты молчишь? А ну, попробуй.

Разведчики вытащили из кабины убитых немцев. Драгин уселся на место водителя. Он включил скорость, и машина рванулась с места, но только не вперед, а назад.

— Куда? — закричал во всё горло Боевский. — В канаву засадишь.

Драгин не обиделся, хотя про себя и подумал, что Боевский мог бы понисходительнее отнестись к его водительским способностям. Он переключил скорость, не торопясь, отпустил сцепление, и машина плавно двинулась вперед.

Освоившись с машиной, Драгин прибавил газу. Немецкую деревню проскочили на полном ходу. За нею стали видны на косогоре вражеские укрепления.

Боевский осмотрелся. За бугром он увидел, две траншеи. У дороги стояли на позициях четыре противотанковых пушки. Боевский тщательно прицелился в ближайшую и выстрелил. Два немца убежали, а трое остались лежать у пушки. Еще выстрел, — и вторая пушка склонилась на бок. Немцы открыли ответную стрельбу из автоматов.

Расчеты двух оставшихся немецких пушек торопливо разворачивали свои орудия на бронетранспортер. Одна пушка, так и не успев развернуться, была разбита снарядом Боевского. Зато другая уже повернулась и готова была прямым ударом разбить транспортер. Всё решалось секундами, но Боевский выстрелил первым. Его снаряд разорвался около орудия. Воспользовавшись минутным замешательством, он ударил еще раз. Выстрел был точен. Последняя пушка перестала существовать.

Машина рванула и снова понеслась вперед. Вот и горка, на которой стоит наше боевое охранение.

Но вдруг раздался сильный взрыв. Ударившись затылком, Боевский потерял сознание. Очнулся он в канаве, куда его оттащил Драгин.

— Что случилось?

— Лежи! — прикрикнул на него Драгин.

— Не слышишь, кругом пули свистят — и свои и чужие.

...Через два часа друзья ползком добрались в расположение своей части.

Юрий Жуков

ИМЕНЕМ СТАЛИНГРАДА

Сегодня, когда русские солдаты с зелеными ленточками сталинградских медалей на суконных гимнастерках, дерутся на земле Пруссии, Померании и Бранденбурга, готовясь пройти последнюю сотню километров, отделяющую их от Берлина, уместно вспомнить вопрос озабоченного американского журналиста, заданный товарищу Сталину 3 октября 1942 года, в день, когда немцы стояли на берегах Волги:

— Какова еще советская способность к сопротивлению?

И ответ на этот вопрос:

— Я думаю, что советская способность к сопротивлению немецким разбойникам по своей силе ничуть не ниже, — если не выше, — способности фашистской Германии или какой-либо другой агрессивной державы обещать себе мировое господство.

То было самое трудное время войны.

Над волжским городом, которому выпала благородная и трагическая судьба ценою собственной крови спасти Родину, стояли столбы дыма и пламени. Восемьдесят пять тысяч домов, триста школ, сто пятьдесят больниц, заводы и детские сады, институты и родильные дома были охвачены огнем, и пожары были настолько свирепы, что улицы стали непроходимыми.

6-я армия Паулюса, 4-я немецкая танковая армия, 3-я румынская армия, 8-я итальянская армия, 8-й воздушный немецкий флот, составленный из отборных ассов Геринга, штурмовали, громили, били неподатливый русский го-

род. Миллион бомб общим весом до ста тысяч тонн упал на Сталинград. На отдельных этапах в боях одновременно участвовало свыше двух тысяч танков, более двадцати тысяч орудий, около двух тысяч самолетов. На нескольких участках немцам удалось ценою огромнейших потерь вырваться к реке. И все-таки Сталинград стоял, не поддаваясь врагу.

Стоял потому, что Верховный Главнокомандующий приказал: «Требую, чтобы вы приняли все меры для защиты Сталинграда. Сталинград не должен быть сдан противнику».

Стоял потому, что каждый солдат знал: воля Главнокомандующего — это воля народа, это веление совести, это долг чести.

Стоял потому, что все советские люди, сколько их есть на нашей земле, понимали: там, у Волги, на этом крошечном клочке земли, решается судьба Отечества.

Наблюдатели, наивно спрашивавшие о том, какова еще советская способность к сопротивлению, плохо знали советского человека и вовсе не представляли себе, что такое социалистическое государство. Именно поэтому позже, когда Сталинград выпрямился во весь свой рост и пошел ломить стеною от Волги до Днепра, от Днепра до Днестра, от Днестра до Дуная и Вислы, от Вислы до Одера, — им пришлось так часто употреблять слово «чудо».

Наш народ не любит внешних эффектов и громких слов. Ему претит всякая реклама — он воспитан в труде, и самую войну он исстари зовет ратным трудом. Всему миру известен сейчас сталинградский «дом Павлова» — дом, который в течение многих дней обороняла горсточка гвардейцев под командованием сержанта Павлова. На стене этого дома они оставили надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева». А потом, когда фронт ушел уже вперед, гвардии сержант Алексей Иващенко прислал сталинградцам, начавшим восстанавливать этот дом, извинительное письмо:

«Я должен извиниться перед вами, дорогие товарищи, что мы, гвардейцы, защитники дома Павлова, поступили тогда немножко не по-хозяйски — долбили фундамент, рыли подземные ходы, тратили драгоценный строительный материал на сооружение огневых точек. Но тогда этого требовала обстановка».

В минуты смертельной опасности, когда с обеих сторон работало 13 тысяч пулеметов по шестнадцать часов в сутки, когда на каждый километр в городе было обрушено шесть тысяч тонн металла, гвардейцы помнили о том, что вот этот дом, который они защищают, придется когда-нибудь восстанавливать, и душа их болела, что вот приходится из-за треклятых фрицев долбить фундамент и портить строительный материал!

Вот эта крохотная черточка души советского солдата говорит о «чуде» русского наступления больше, чем многие ученые обозрения военных наблюдателей. Фон-Паулюс вел на Восток полчища прожженных грабителей с большой дороги, которые промаршировали по Бельгии, Франции, Югославии и Греции с одной и той же захватской песенкой: «Пусть мир лежит в развалинах и кровь льется ручьями, — нам на все наплевать». На советской земле им преградили путь солдаты новой формации, строители, металлисты, колхозники, одевшиеся в военную форму для того, чтобы спасти построенное и свое право строить дальше.

Для Алексея Иващенко и тысяч его соратников дома Сталинграда не были просто опорными точками и узлами сопротивления. Для них дом — это дом, цех — это цех. Они очень хорошо помнили, каких трудов стоило соорудить Сталинградский тракторный, Магнитку, Уралмаш, Днепрострой. Они видели, как немецкие бомбы падают на цехи Тракторного завода, и каждый из них становился способным заменить десятерых.

Когда обрушились пять этажей семиэтажного дома, в нижнем этаже которого наши бойцы вели бой, красноармеец Уразалиев, киргиз по национальности, сказал своим товарищам:

— Город устал... Дом устал... Камень устал... Мы не устали...

Этих слов нельзя забыть. Их вспомнят наши внуки и правнуки, когда будут искать ключ к тем великим событиям, которые развернулись в 1942 году у стен сталинского города.

В октябре 1942 года немцы еще думали о дальнейшем походе на Восток. «Мы знаем, что это шествие смерти будет продолжаться и дальше», — хвастала немецкая газета «Дейче альгемейне цейтунг». Но с каждым днем перспективы заманчивого похода в Индию все больше тускнели, и уже тогда наиболее дальновидные генералы Гитлера поняли, что их игра проиграна.

Успокаивая своих grenадер, с тоскою поглядывавших назад, Гитлер с обычной наглостью заявил:

— Никто не сможет сдвинуть нас с этого места.

А старательные интенданты его главной квартиры поспешили сдать в Швецию заказ на монументальные гранитные глыбы, которыми предполагалось оградить восточный предел «немецкого жизненного пространства». Эти гранитные столбы они не успели довести до Волги — туго натянутая пружина долготерпения советского солдата развернулась одним махом и не только «сдвинула с места» немецкий фронт, но тут же пришибла на месте и 6-ю армию фон-Паулюса, и 4-ю танковую, и 3-ю румынскую, и 8-ю итальянскую армии — все, что было собрано немецким генеральным штабом под стенами Сталинграда.

Сталин назвал великую сталинградскую битву побоищем. Это былинное русское слово как нельзя более точно определяет суть событий, происшедших под стенами Сталинграда два года тому назад. Сто сорок семь тысяч две-

сти трупов немецких солдат и офицеров было подобрано и закопано здесь после битвы. А сколько зарыли их сами немцы?! Девяносто одна тысяча немцев, в том числе две с половиной тысячи офицеров и двадцать четыре генерала во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, сложили свое оружие после долгого и бесплодного сопротивления.

Это была хорошая жатва мщения. Но не было уже того средства, которое могло бы умерить гнев и боль в душе советского человека, вызванные лицемерием руин Сталинграда. По многим дорогам ушли отсюда на запад солдаты с золотистыми медалями на зеленых ленточках. Мы встречали их потом под Белгородом и под Орлом, у Таганрога и у Ленинграда. И всюду этих людей узнавали по особенному — решительному и тяжелому — удару, не знающему промаха.

Именем Сталинграда они карали немцев на всех фронтах. Именем Сталинграда бронейщик Петр Болото, уничтоживший на берегах Волги с тремя товарищами пятнадцать танков, громил на Украине немцев из панцирных дивизий. Именем Сталинграда гвардейцы Родимцев били немцев на Курской дуге, на Днестре, на Висле. Именем Сталинграда солдаты Чуйкова сокрушали фашистов в Запорожье, у Аккермана, на Дунае и за Дунаем, а теперь громят их в Германии.

Искры московских салютов озаряют их дальний путь. Сталинградцев видели Болгария и Югославия. Сталинградцы разворошили вражье гнездо в Будапеште. Родимцев сказал желанное слово «Гуттентаг», вступив первым в Силезию. Полубояров провел свои танки по улицам Кракова и освободил Домбровский бассейн. Буткову салютовала Москва, когда он навел свои порядки в Пруссии.

Самое слово «Сталинград» стало нарицательным — немцы икали, вспоминая это слово под Корсунь-Шевченковским и в Белоруссии, между Яссами и Кишиневом, и в Восточной Пруссии, и во многих-многих других местах.

И не раз еще вспомнят они это слово: кто знает, быть может, и Берлин станет для них сталинградским «котлом»...

Два года тому назад Геббельс вывесил в Берлине черные флаги, поминая немцев, закопанных под Сталинградом. Это был официальный траур. Флаги сняли три дня спустя, и сняли совершенно зря. Висеть бы им до сегодняшнего дня, до конца войны! Ведь тогда лишь начался закат германской армии, а теперь сумерки Германии сгущаются все плотнее, и черные флаги как нельзя больше к лицу Берлину.

В. Терновой

В НЕМЕЦКИХ ГОРОДАХ

В морозное тихое утро мы поднялись с полевого аэродрома и сразу же пересекли границу. Под нами была Восточная Пруссия. Сейчас большая часть ее территории уже занята советскими войсками. Летчик вёл машину низко над землей. Мелькали поселки, небольшие города, разбросанные повсюду хутора и фольварки. В разные стороны разбегались ровные дороги, обсаженные деревьями. Местность однообразная, мало привлекательная.

Впереди показался Пилькаален. Летчик здесь шел совсем низко и сделал над городом несколько кругов. Немецкий город совершенно разрушен. Видны одни руины. Тут проходил рубеж долговременной немецкой обороны. Несколько дней шли непрерывные напряженные бои. Земля изрыта, вздыблена, как будто в этих местах прошло землетрясение.

Первую посадку самолет сделал в окрестностях Даркемена. Этот город почти что уцелел. Пострадала лишь его центральная улица. В других местах сгорели отдельные здания. На улицах Даркемена оживленное движение. Идут непрерывно машины, проходят войска. Бойцы с любопытством поглядывают на большие темные дома с остроконечными крышами.

Город Даркемен был занят советскими войсками в результате обходного маневра, причем удар последовал там, где противник меньше всего ожидал его. Поэтому здесь заметны следы поспешного бегства немцев. На станции оставлены совершенно нетронутыми большие продовольственные склады, на улицах брошены повозки и кухни.

В доме, который занимал немецкий военный комендант, разбросаны бумаги, папки с делами. Кабинет коменданта открыт. На стене висит его форменная куртка, фуражка. В столе лежит печать. Как видно не до вещей было немецкому коменданту!

Победители в Германии

В Даркемене большинство жителей сбежало. Те, кто не успел — попрыгали в подвалы, на чердаки домов. В одном месте наши патрули, проверяя здания, натолкнулись в подвале на группу женщин с детьми. Они, пугливо, но озлобленно озираясь по сторонам, вышли на улицу.

— Расходитесь по своим квартирам, — громко произнес старший команды.

Немки начали заискивающе улыбаться и низко кланяться.

— Шелковые стали! Как ручные! — смеялись бойцы.

Большинство квартир в городе оставлено с полной обстановкой. Сбежавшие немцы всё бросили и ничего не ус-

пели захватить с собой. Полностью сохранились все предприятия, электростанция, уцелел железнодорожный узел.

Комендант города рассказал нам любопытный случай.

— В доме, где разместилась прачечная одной части, скрывалось в подвале несколько немецких солдат. Когда бой удался от города, гитлеровцы вышли во двор, встретили здесь нашу девушку из прачечного отряда и сложили перед ней оружие.

Вылавливали и в других домах немецких солдат-одиночек. Немало их бродило в окрестностях города, скрываясь в рощах и оврагах.

Отсюда летим к Кенигсбергу. Низко пролетаем над Гумбинненом. На станции уже дымят паровозы. Железнодорожники прокладывают путь вслед наступающим войскам. Под нами Инстербург, крупный город, полностью сгоревший. Перед отходом гитлеровцы выпустили несколько сотен зажигательных снарядов по Инстербургу и подожгли его.

На всех дорогах, ведущих к Кенигсбергу, большое движение. Чем ближе к этому городу, тем движение становится всё более внушительным. Идут в два ряда автомашины, тянутся тракторы с пушками, танки, обозы. Горизонт на западе затянут густым дымом. Там происходит ожесточенное сражение за важнейший город Восточной Пруссии.

Садимся в Тапиау — последнем крупном населенном пункте перед Кенигсбергом. Сюда эвакуировались жители из многих районов Восточной Пруссии и считали себя в полной безопасности. Вблизи города мы увидели обоз этих беженцев, растянувшийся более чем на шесть километров. Каждая повозка доверху нагружена домашним скарбом. Наши танки, неожиданно для немцев вырвавшись в район города, отрезали путь этому обозу. Беженцы, перепугавшись советских воинов, сначала бросили по-

возки и разбежались по лесу, а потом начали возвращаться к своим вещам.

Местных жителей в Тапиау много. Потупив глаза, они уныло бродят по улицам. В городе очень шумно и тесно от проходящих машин и войск. Около домика с мезонином, где разместился наш военный комендант, собралась толпа немцев. Среди них есть и мужчины, молодые ребята. Они молча смотрят на идущие мимо советские войска.

В Тапиау наши войска захватили у противника богатые трофеи. Здесь было брошено всё, что можно было бросить немецкими частями. Остались и запасы товаров в магазинах, владельцы которых сбежали. Правда, это больше эрзац-товары. Например, в обувном магазине все полки забиты ботинками... с деревянной подошвой.

Сейчас, когда фронт уже далеко отодвинулся отсюда, наши бойцы вылавливают в домах спрятавшихся немецких солдат, которые переоделись в гражданское платье, и доставляют их в комендатуру.

От Кенигсберга на восток идут через Тапиау большие колонны освобожденных советских граждан, которые были угнаны немцами в рабство. В одной из таких колонн около двухсот русских женщин и детей, спасенных Красной Армией. Все они одеты в изношенное тряпье. На улицах Тапиау можно наблюдать трогательные сцены. У остановившихся машин, на перекрестках, тротуарах советские люди, вырвавшиеся из лап врага, окружают наших воинов, обнимают их, целуют, обмениваются адресами.

Виктор Полторацкий

СТАЛИНГРАДЦЫ ЗА ОДЕРОМ

Виктор Полторацкий

Городишко, расположенный в нескольких километрах от Бреслау, был занят к вечеру. Командир полка приказал дать людям отдых. Утром снова предстоял бой.

Батальон Прохорова разместился на Оппельштрассе. Комбату отвели квартиру в двухэтажном сером особняке. Прохоров облюбовал кабинет. Здесь было меньше мебели. У стены стоял шкаф, рядом — обитая плюшем кушетка, на которой можно было вздремнуть, у письменного стола — два глубоких кресла. В одно из них Прохоров опустился, вытянув усталые ноги, и приказал согреть чай.

— Завари мне покрепче, Петрович, — сказал он ординарцу.

Вместе со стаканом крепкого чая Петрович принес большую карту.

— Посмотрите, товарищ капитан. Наши хлопцы в шкафу нашли.

На столе в бронзовом подсвечнике ярко горели свечи. Прохоров развернул карту. Это оказалась немецкая карта Европы. Вероятно, когда-то она висела на стене, может быть, даже здесь, в кабинете, и кто-то карандашом отмечал на ней продвижение немецких войск на Востоке. Синие пометки острыми клиньями тянулись к Кавказу и к Волге. Возле Сталинграда та же рука начертила маленький крестик и рядом два слова: Пауль Бреге, обведенные черной каймой.

Прохоров долго глядел на карту, и тут, в немецком городишке, за мутной рекой Одер, в доме убитого под Сталинградом Пауля Бреге, капитан Прохоров еще раз почувствовал все величие происходящих событий, и припомнился ему весь путь от Волги до Одера.

В Сталинграде Петр Прохоров был старшим сержантом той самой гвардейской дивизии, которая, зацепившись за клочок берега, где-то возле памятника Хользунову, выдержала почти полтора года дней и ночей страшной по своему напряжению битвы. Но сейчас вспомнил он июльское утро уже под Белгородом, опушку березовой рощи, помятое танками пшеничное поле, крутой овраг.

В тот день в дивизию прибыло свежее пополнение. Молодые солдаты стояли, построившись на опушке рощи.

К ним вышел генерал. Молодой, рослый, он стоял, повернувшись к бойцам. Недалеко от рощи падали и глухо рвались немецкие мины. Пахло гарью.

— Бойцы, — сказал генерал, — вы пришли в дивизию сталинградцев, в семью старой гвардии. Что сказать вам о ней? Были дни, когда весь мир с восторгом и гордостью следил за тем, как насмерть стояли мы среди развалин осажденного немцами Сталинграда. Через полчаса вы пойдете в бой. Будьте достойны славных традиций своей дивизии, и я даю вам верное слово, что мир еще увидит сталинградцев на улицах Берлина.

С какой отвагой и яростью сталинградцы гнали в то лето врага по истерзанной, ограбленной немцами Украине! Где-то недалеко от Полтавы после упорного боя они овладели маленьким хутором. Прохоров тогда уже командовал ротой. Хуторок наполовину был выжжен. Опаленные пожаром, стояли сады среди серой золы. На месте пожарища Прохоров увидел старшину Кириченко. Он стоял, почерневший от пыли, от тяжелой усталости и от горя.

— Ты что, Кириченко? — спросил его Прохоров. И Кириченко ответил:

— Оце була моя хата, — и добавил с тоскою и гневом: — Мне бы, товарищ лейтенант, только до ихней немецкой земли дотянуться...

— Дойдем, Кириченко, дойдем.

Прошлой осенью сталинградцы форсировали Вислу и вышли на знаменитый Сандомирский плацдарм. Как хотелось немцам столкнуть их обратно, какие тяжелые пришлось выдержать им бои! Однажды на позиции, которые занимала рота Вахнянина, вышли восемь немецких танков. Грузные машины прошли над окопами, а одна даже повернулась, словно хотела закопать, засыпать окоп. Но, когда танк отошел, из окопа поднялся рядовой Сергей Бондарь и крикнул:

— Врешь, немецкая сволочь! Сталинградцы бессмертны! — и швырнул под гусеницы танка связку гранат.

Были дни, когда гвардейцам приходилось отбивать одну за другой по восьми атак. Они выстояли, сохранили плацдарм, чтобы потом начать отсюда наступление на немецкую землю.

Прохоров никогда не забудет того, как они перешагнули границу немецкой Силезии. Впереди, как всегда, шли разведчики. Среди них был и тот самый старшина Кириченко, с которым разговаривал он в хуторке под Полтавой. Кириченко первый сообщил ему:

— Товарищ капитан, уже.

— Что уже? — спросил Прохоров.

— На ихнюю, фрицеву землю вступили. Укрепления имеются. Огонька бы трошки поддать.

Потом на батареях прозвучала команда: «По фашистскому логову огонь!» Орудия ударили залпом, и вслед за валом огня пошла в атаку сталинская гвардия.

Граница шла вдоль ручья, поросшего мелким кустарником. Сразу за ней, на пригорке, темно-красными черепичными крышами маячили постройки немецкой деревни. На дороге у мостика Прохоров увидел разбитый вражеский грузовик и несколько трупов в серо-зеленых шинелях.

— Довоевались! — торжествующе выкрикнул Кириченко. — Довоевались же, бисовы покорители!

Уже десяток немецких городов прошли сталинградцы. Уже и Одер у них позади. Сегодня утром на автомобильной дороге видел Прохоров указатель с немецкой надписью «Нах Берлин».

Оплавляли свечи на столе. Стеарин белой струйкой застывал на бронзе. Прохоров глядел на немецкую карту и думал о том, что вот какой-то немец Пауль Бреге лежит убитый под Сталинградом и кости его, наверное, уже сгнили, а русский воин Петр Прохоров жив и пришел воевать на немецкую землю, чтобы отомстить подлым захватчикам, воздать за все полной мерой, навсегда уничтожить фашистское семя.

Ночью Прохорова вызвали в штаб. Быстро поднявшись с кушетки, натянув сапоги, захватив карманный фонарик и крикнув автоматчика, капитан вышел на улицу. Моросило. Узкие, мрачные улицы немецкого города кое-где были освещены пожаром. Где-то недалеко били пушки. По звуку выстрелов Прохоров определил: тяжелая бьет по Бреслау.

Ночные, затаившиеся улицы города были наполнены густым шумом моторов. На запад сплошным потоком шли танки, орудия, грузовики. Их было так много, словно вся гневная сила необъятной Советской страны обрушилась на немецкую землю. Сейчас командир полка, очевидно, и ему, капитану Прохорову, поставит боевую задачу. Сталинградцы пойдут дальше, вперед.

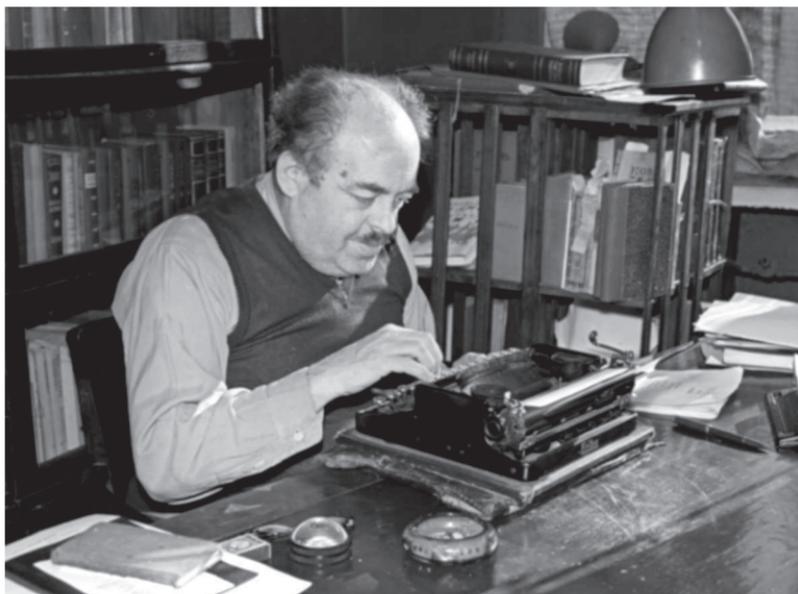
Автоматчик, молодой еще, безусый боец, шел рядом с Прохоровым, слегка поеживаясь от пронизывающего февральского холодка. На соседней улице в горящем доме с шумом обрушились балки. Золотистые искры пучком взметнулись над крышами.

— Товарищ капитан, а и далеко же отсюда до Волги, — вдруг сказал автоматчик.

— Далекое, — ответил Прохоров.

Александр Безыменский, Семен Борзунов

ПО НЕМЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ

Александр Безыменский

Осталась позади линия железной дороги. Мелькнули дома селения Костау — каменные дома, мрачные, приземистые, типично немецкой стройки.

Так вот она, жирная приграничная «до-одерская» полоса немецкой Силезии, где жили самые благонадежные для Гитлера бюргеры, самые преданные ему негодяи. С них и налогов никогда не брали. Им потворствовали во всем.

...Мычат коровы, кудахчут куры, кричит на разные голоса всякая живность. Но где же хозяева? Дома пусты.